

Славянские языки и литературы в XVIII веке (круглый стол) К 300-летию М. В. Ломоносова

Языковая личность гомилета XVIII века

Е. Л. Барышева

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Языковая личность, гомилетика, гомилетический канон

Summary. This report addresses the problem of identifying akanonichnyh speech acts, is explicated in homiletic discourse of the XVIII century, depending on the personality of the preacher, his status (gomilety, preaching in churches of the city — rural preachers; gomilety of “black” clergy — from the “white” clergy).

Канонические гомилетические установки воплощаются во всех разнообразных исторических формах бытия пастырского слова. Однако это воплощение никогда не бывает полным, а всегда лишь относительным. Двухвековая гомилетическая практика не в состоянии воплотить до конца эталонный вариант проповеди. Поэтому исключается возможность некоей идеальной канонической формы. Многие «беззаконные» моменты гомилетической литературы вырываются далеко вперед, преодолевая границы, сковывающие творческие потребности пастыря. Своего рода нарушением установленного порядка являются канонические колебания, которые внедряются в текст проповеди как инородное тело, что выражается, прежде всего, в адогматизме. В широком круге сочинений в виде синонима адогматизма выступает апофатика или так называемое «отрицательное богословие». Адогматизм представляет собой частный случай стремления пастыря рассуждать без закона. Это попытка некоего утверждения беззакония. Адогматизм не есть отрицание существования догматов. Под лозунгом обновления адогматизм отвергает точную форму догматов как якобы не способных выразить смысл христианского учения. Истины Священного Писания и Священного Предания объявляются исторически обусловленными, а следовательно открытыми для искажения в духе современности. Точная и неизменная форма догматов (догмат — утвержденное высшими инстанциями положение вероучения, объявляемое непреложной истиной, не подлежащей критике) осуждается адогматистами, поскольку сковывает свободное творческое постижение. Рассуждая о внутренней стороне догматов, адогматизм исходит из принципиальной неопределенности, а потому и непознаваемости духовного содержания любых категорических положений. В адогматических системах мысли то, во что верует христианин, становится свободным для произвольного искажения. Искомая свобода в конечном счете сводится к свободе от ограничения истиной. С точки зрения последователей адогматизма, если догматы отдельные и неподвижны, то прогресса нет, и путь Богопознания может осуществляться лишь в приспособлении человека к догматам. Если же догматы открыты для произвольного искажения как со стороны формы, так и содержания, то становится возможной и религиозно необходимой свободная творческая работа по приспособлению формы и смысла догматов к человеку, к его произвольным соображениям. В широком круге сочинений в виде синонима адогматизма выступает апофатика или так называемое «отрицательное богословие». Апофатический путь — это, во-первых, не путь веры, поскольку верить в «Ничто» невозможно, а во-вторых, вплотную смыкается с атеизмом, поскольку атеисты также убеждены в том, что Бога со всеми Его свойствами нет.

Для верификации основных положений доклада, как-то, канонические гомилетические колебания эксплицируются в зависимости от личности гомилета, привлекаются тексты проповедей разных по статусу авторов (гомилеты, проповедующие в городских храмах — сельские проповедники; гомилеты из «черного» духовенства — из «белого» духовенства). Основным источником материала послужили

письменные гомилетические тексты. Выбор материала производился на основе отчетливой проявленности канонических гомилетических колебаний в творениях преосвященных отцов. Нами учитывается понятие языковой личности. Речевые особенности проповедника находят отражение в отборе рече-жанровых образцов, наполняющих гомилетический дискурс. В опоре на определенные труды нами было принято сориентированное на исследуемую проблему следующее рабочее определение: гомилетический речевой жанр есть устойчивая вербальная форма реализации речевого намерения проповедника, единство особых свойств формы и содержания, определяемое целью и условиями гомилетического акта, ориентированное на конкретного адресата.

В настоящем докладе детально рассмотрению подвергается лексический состав текстов проповедей, причем последовательный взгляд фокусируется на концептообразующих лексемах. На основе этих наблюдений создан словарь лексем, группирующихся по смысловой близости (по типу идеографического словаря). Весь лексический массив разбивается на определенное количество классов. Структура словаря является собой модель так называемой «онтологической вертикали», представление о которой свойственно религиозному сознанию. Иерархический принцип организации схемы словаря сопряжен с фиксированием основных уровней бытия и осмыслением их субординации. Каждый из классов состоит из определенного числа понятийных групп. Группы включают, как правило, целый ряд понятий, а каждое понятие репрезентуется некоторой серией соотносящихся с ним слов. Заголовочными словами классов и понятийных групп являются имена существительные, которые с логической точки зрения обладают более широкой семантикой, чем другие части речи. Лексеммы словаря располагаются в порядке убывания их частоты употребления. Венчает вертикаль первый по счету класс лексем, объединенных общим понятием «Бог», куда включены понятийные группы «Бог Отец», «Бог Сын», «Бог Дух Святой», репрезентующие все именованья Бога, зафиксированные в исследуемых текстах, Его характеристики, свойства и т. д. Следующий класс номинирован «Мир Ангельский», куда включены понятийные группы, количество которых соответствует традиционному учению о мире Ангельском Дионисия Ареопагита, который выделяет девять Ангельских чинов. Понятийные группы данного класса представлены в словаре в строгом соответствии с иерархической организацией Ангельского мира: «Серафимы», «Херувимы», «Престолы», «Господства», «Силы», «Власти», «Начала», «Архангелы», «Ангелы». Третий класс «Человек» также включает различные понятийные группы, возникающие на основе наблюдений за языковыми фактами текстов проповедей, и так далее вниз по вертикали вплоть до последнего класса, именуемого «Дьявол», содержащего свои понятийные группы. Все лексеммы словаря имеют количественную характеристику.

Данный словарь позволяет особенно рельефно очертить всевозможные проявления канонических гомилетических колебаний в зависимости от выделяемого нами аспекта.

Развитие диалога в поэзии эпохи классицизма (на материале произведений М. В. Ломоносова, А. Кантемира, А. П. Сумарокова)

Т. В. Бердникова

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Диалог, лирика, обращение, риторика

Summary. The report focuses on consideration of the development of the poetic dialogue in an age of classicism. Analyzes the poetic texts, M. V. Lomonosov, A. Kantemir, A. P. Sumarokov. As a result, identifies the main directions of development of dialogue in the poetry of the Classical period, moving from rhetoric to piitike, the influence of rhetoric in the poetic text.

Каждый текст диалогичен, на это впервые указал М. М. Бахтин. Учет автором смысловой позиции адресата — одно из свойств текста, особенно это относится к художественному тексту.

Традиционно принято выделять диалогическое единство, которое состоит из реплики-стимула и реплики-реакции. Однако нередко в художественном тексте, особенно в поэтическом, диалогическое единство трансформируется: может отсутствовать одна из реплик (реплика-стимул или реплика-реакция), при этом коммуникативная направленность текста предполагает наличие диалога.

Говоря о диалоге в художественном тексте, следует иметь в виду, что диалог в художественном тексте однонаправлен, он исходит от автора произведения. Подчеркивая характер ситуации или особенности речевого стиля персонажей, автор, если прибегает к неясности диалога, подчиняет ее осознанной цели.

Принято считать, что диалог в поэтическом тексте начал развиваться с начала XIX века, преимущественно в поэзии А. С. Пушкина. Однако еще в поэзии эпохи классицизма намечается движение по направлению к диалогу. Особенно ярко это проявилось в изменении функций такого компонента диалога, как обращение.

«Обращение — одно из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения, для интеграции разных сторон и компонентов ситуации общения в единый коммуникативный акт» [Гольдин 1983: 4]. Обращение является обязательным компонентом диалога. Оно выполняет одну из самых основных функций, свойственных диалогу как явлению, — функцию адресованности. Обращение — это «называние» адресата, определение адресата.

Обращенность — одно из свойств поэтического текста, оно служит средством перехода от одного речевого плана к другому, нередко выполняет композиционную функцию.

Именно композиционная функция была присуща обращению в поэзии эпохи раннего классицизма (например, произведения Ф. Прокоповича). В этих текстах обращения выступают в качестве такого композиционного элемента, как зачин, начало текста. Адресат, которому обращен текст, впоследствии не упоминается, и текст приобретает другую коммуникативную направленность — не конкретному, определенному адресату, а обобщенному читателю, т. е. «всем».

Однако уже в сатирах А. Кантемира обращения выступают не только как зачин, но и как отправная точка рассуждения. Так, в сатире «На хулящих учение» обращение к уму провоцирует рассуждение по поводу учения, власти «гордости, лени, богатства» над мудростью, истинный же адресат сатиры обозначен в заглавии («На хулящих учение»): *Таковы слыша слова и примеры видя, / Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя. / Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится, / Кто в тихом своём углу молчалив таится; / Коли что дала ти знать мудрость всеблагая, / Весели тайно себя, в себе рассуждая / Пользу наук; не ищи, изъясняя тую, / Вместо похвал, что ты ждёшь, достать хулу злую. //*

В поэзии М. В. Ломоносова происходит движение от риторики к «пиитике», меняется функция обращения. Обращение в поэзии М. В. Ломоносова постепенно становится показателем коммуникативной направленности текста: *Кто скоро толь тебя, Калчак, / Учит Российской вдаться власти, / Ключи вручить в подданства знак / И большей избежит напасти? //* Ср. также: *Любовь России, страх врагов, / Страны полночной Героиня, / Семьи пространных морь берегов / Надежда, радость и Богиня, / Велика Анна, Ты доброт / Сияешь светом и щедрот: / Прости, что раб твой к громкой славе, / Звучит что крепость сил Твоих, / Придать дерзнул некрасный стих / В подданства знак Твоей державе.*

Традицию М. В. Ломоносова продолжает А. П. Сумароков, в поэзии которого обращения также выступают показателями коммуникативной направленности стихотворения. Так, в эпистоле II «О стихотворстве» обращение (*вы*), уточненное придаточным предложением (*которые стремитесь на Парнас*), называет адресата — поэтов, вернее, людей, считающих себя поэтами: *О вы, которые стремитесь на Парнас, / Нестройного гудка имея грубый глас, / Престаньте воспевать! Песнь ваша не прелестна, / Когда музыка вам прямая неизвестна. / Но в нашем ли одном народе только врут, / Когда искусства нет или рассудок худ? //*

Таким образом, развитие диалога в поэзии эпохи классицизма происходило посредством движения от риторики к пиитике, от диалога формального к диалогу, близкому к диалогу в живой речи, от обращения, выполняющего композиционную функцию, к обращению, называющего адресата.

Литература

Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.

Культурная программа Екатерины II и «славянские баснословия»

А. Д. Ивинский

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Систематическое изучение русского фольклора началось при Екатерине II. Эта деятельность имела не только научный смысл, но и выполняла определенную идеологическую функцию.

В 1760-е гг. при непосредственном участии императрицы формировался новый образ России. В сознании культурных европейцев азиатская дикость полуночной державы должна была уступить место истинному просвещению. Важнейшим был признан тезис о величии, богатстве и древности русской цивилизации, а самодержавие рассматривалось как единственный залог развития и самого существования России. В целях формирования и пропаганды этой идеологии использовались литература, журналистика и гуманитарные

(в первую очередь, «этимология», история и фольклористика) науки. При этом Екатерина II провозгласила необходимость синтеза идей государственности и хорошего вкуса, империи и галантности.

«Наказ», «Всякая Всячина», «Антидот», «Были и небылицы» Екатерины, «Душенька» И. Ф. Богдановича, «Фелица» Г. Р. Державина создали литературу нового типа. Она обличает пороки и очищает нравы, ориентируя публику на изысканный вкус просвещенной дамы, ассоциирующийся с развитой салонной культурой.

Одновременно началось собирание материалов по древней отечественной истории, быстро принесшее первые плоды и оказавшее серьезное влияние на культуру в целом. Бы-

ли написаны новые истории России (Миллер, Эмин, Елагин, Щербатов, Болтин) и издана старая, Татищева. Развернулась широкая деятельность по публикации источников; один из наиболее ярких ее эпизодов — издание Новиковым «Древней Российской Вивлиофики». Екатерина II напечатала свои «Записки касательно российской истории». При этом она занималась «этимологией», которая должна была доказать древность русского языка.

В свою очередь изучение русской истории пробудило интерес к фольклору. Попов, Богданович, Новиков, Барсов подготовили сборники русских пословиц. Чулков напечатал «Собрание русских песен» и «Словарь русских суеверий». В результате возникло то явление, которое В. Б. Шкловский назвал «русской мифологией». «Русские сказки» Левшина,

как и произведения Попова или Чулкова, должны были дополнять исторические труды Екатерины и ее сотрудников. Более простые и доступные, рассчитанные на гораздо более широкую аудиторию, они, по сути, выполняли ту же задачу: создать новый образ отечественной истории, который базировался на идее незабываемости и изначальности самодержавия.

Опыт создания «русской мифологии», соединявшей идею абсолютизма с идеей самодостаточности и полноты русской культурной традиции, оказал сильнейшее влияние на литературу последней трети XVIII — первой трети XIX вв. Богданович, Державин, В. П. Петров, М. М. Херасков, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин создали поэтический «вариант» государственной идеи Екатерины.

Ломоносов и русская культура XVIII века: заметки к теме

Д. П. Ивинский

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

— Проблема описания литературного процесса и исследовательские мифы:

- «классицизм» и «барокко»;
- Ломоносов и «сумароковская школа»;
- Ломоносов и «школа разума».

— Идеи подражания и соперничества: варианты интерпретации.

- Ломоносов и придворная культура: от «умеренного» аннинского к «пышному» екатерининскому стилю.
- Похвальная ода как образ культуры.

Наименования глагольных классов в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова Н. В. Карева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

М. В. Ломоносов, историческое терминоведение

Summary. The paper is devoted to analysis of genetic sources of the terminology used by M. V. Lomonosov for the nomination of verbal classes in his «Russian grammar» (1755).

Глагол и имя рассмотрены в «Российской грамматике» как наиболее значимые грамматические категории: имена соотношены с субъектом суждения, а глаголы с предикатом. При этом М. В. Ломоносов отметил, что глаголы часто образуются от имен — такие глаголы названы им *отыменными глаголами*. Прилагательное *отыменной*, использованное ученым для создания наименования, было заимствовано из церковнославянских грамматик: Л. Зизаний и М. Смотрицкий выделяли шесть «образов имен вида производного», в том числе *отыменной образ*.

М. В. Ломоносов планировал написать раздел о глагольной деривации: «Материалы к „Российской грамматике“» содержат попытки объединить приставочные глаголы в структурно-семантические классы. В наиболее ранних подготовительных записях он использовал латинские наименования и выделил *verba inceptiva*, *verba desitiva*, *verba augmentativa*, *verba solutiva*, *verba acquisitiva*. В более поздних материалах М. В. Ломоносов употребил русские наименования: *учащательный глагол*, *начинательный глагол*, *увеличительный (увеличивательный) глагол*, *умалительный глагол*, *кончателный глагол*, *умножительный глагол*, *удовольственный (удовольствовательный) глагол*. Наименования *учащательный глагол* и *начинательный глагол* были заимствованы им из грамматики М. Смотрицкого; наименование *умалительный глагол* — из грамматики М. Шванвица (1730 г.). Остальные наименования явились новациями М. В. Ломоносова. В окончательном варианте «Российской грамматики» М. В. Ломоносов отказался от выделения структурно-семантических глагольных классов, так как выделяемые значения не имели в русском языке постоянного набора морфологических показателей.

Однако интерес к процессам, связывающим мотивирующие слова с производными, привел М. В. Ломоносова к разработке классификации глаголов в зависимости от способов словообразования. В восточнославянских грамматиках структурные различия слов описывались с помощью категорий *начертание* (восх. к греч. *σχῆμα*, лат. *figura*) и *вид* (восх. к греч. *εἶδος*, лат. *qualitas*); различалось два *вида* слов всех частей речи — *первообразный* и *производный*. В «Россий-

ской грамматики» М. В. Ломоносов отказался от категорий *вид* и *начертание*, однако в соответствии с принципами М. Смотрицкого разделил глаголы на *первообразные* и *производные*, с одной стороны, и на *простые* и *сложные* — с другой. *Сложные глаголы*, меняющие спряжение в процессе формообразования, были названы им *сложными преходящими глаголами*, глаголы, не меняющие спряжения — *сложными постоянными глаголами*.

В зависимости от способности к формообразованию М. В. Ломоносов разделил глаголы на *полные*, *неполные* и *изобилующие* (в подготовительных материалах он использовал латинские термины *abundans* и *defectivum*). Наименование *изобилующий глагол* является семантической новацией автора «Российской грамматики» при заимствовании формы наименования из грамматики М. Смотрицкого. В грамматиках академической традиции для передачи латинского термина *verbum defectivum* и французского *verbe defectueux* использовалось наименование *недостаточный глагол*. В русском языке XVIII века прилагательные *достаточный* и *недостаточный* имели значение «имеющийся» / «не имеющийся в нужном, необходимом количестве, мере» [СлРЯ XVIII в., 6: 230; 14: 172]. М. В. Ломоносов отказался от наименования *недостаточный глагол* и для создания новых наименований использовал прилагательные *полный* и *неполный*, употреблявшиеся в русском языке XVIII века в значении «содержащий» / «не содержащий полного комплекта, состава чего-либо» (СлРЯ XVIII в., 14: 269).

В «Российской грамматике» глаголы были также разделены на *правильные* и *неправильные* в соответствии с особенностями спряжения. Наименования *правильный глагол* и *неправильный глагол*, калькирующие латинские *verbum regulare* и *verbum irregulare*, к 1750-м годам уже вошли в узуз русских филологов — они зафиксированы в грамматиках М. Шванвица (1745), В. И. Лебедева, В. Е. Теплова.

В зависимости от выраженности грамматической категории лица М. В. Ломоносов разделил глаголы на *личные* и *безличные* — в середине XVIII века эти наименования, калькирующие латинские *verbum personale* и *verbum impersonale*, активно использовались русскими грамматистами. Они за-

фиксированы в грамматиках М. Смотрицкого, М. Шванвица (1745), В. И. Лебедева, В. Е. Теплова.

Особое внимание в «Российской грамматике» было уделено вспомогательным глаголам. В грамматиках церковнославянского языка вспомогательные глаголы не выделялись как самостоятельный класс, а в написанных по-русски грамматиках французского и немецкого языков 1740–1750-х годов для передачи латинского термина *verbum auxiliare* и французского *verbe auxiliaire* использовалось наименование *помогающий глагол*. М. В. Ломоносов отказался от наименования *помогающий глагол* и для обозначения глаголов *быть* и *стать* создал несколько собственных наименований, конкурирующих в его грамматических сочинениях. В подготовительных материалах он использовал наименование *способствующий глагол*, а в окончательном тексте «Российской грамматики» — наименование *вспомогательный* или *спомогательный глагол*.

Таким образом, для обозначения глагольных классов М. В. Ломоносов создал ряды одноструктурных производных наименований. Производные наименования М. В. Ломоносова 1) были созданы путем заимствования терминов или терминологических элементов из грамматик церковнославянского языка (*отыменной глагол*, *учащательный глагол*, *начинающий глагол*, *первообразный глагол*, *производный глагол*, *простой глагол*, *сложенный глагол*, *личный глагол*, *безлич-*

ный глагол); 2) были заимствованы из грамматик немецкого, латинского, французского языков, подготовленных в Академии наук в 1730–1750-е годы (*умалительный глагол*, *правильный глагол*, *неправильный глагол*); 3) были созданы в результате калькирования латинских терминов (*увеличительный глагол*, *умножительный глагол*); 4) были созданы М. В. Ломоносовым на базе слов русского языка XVIII века (*удовольственный глагол*, *полный глагол*, *неполный глагол*, *способствующий глагол*, *вспомогательный глагол*).

Источники

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, науч. коммент. Е. А. Кузьминой; предисл. Е. А. Кузьминой, М. Л. Ремнёвой. М., 2000.

Лебедев В. И. Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества. СПб., 1746.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1952.

Словарь русского языка XVIII века / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. СПб., 1984. Вып. 1– (СлРЯ XVIII в.).

Теплов В. Е. Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. СПб., 1752.

Шванвиц М. Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана. СПб., 1730.

Шванвиц М. Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов, а ныне для употребления Санктпетербургской гимназии вновь пересмотренная. СПб., 1745.

Мать и мать отечества:

номинации Екатерины I и Елизаветы Петровны в проповедях Елизаветинской эпохи¹

Е. И. Кислова

Проповедь, XVIII век, история понятий

Summary. The report addresses the use of the word *мать* (mother) applied to the Russian expresses on the basis of 18th century sermons; the creation and evolution of the notion “Mother of Fatherland” is considered.

В эпоху правления женщин-императриц в проповедях и панегирических текстах закрепляется в виде устойчивого выражения титул *мать / мать отечества*. В докладе на материале проповедей XVIII в. будет рассмотрено функционирование номинаций *мать* и *мать отечества* применительно к действующим императрицам, в первую очередь — к императрицам, находившимся в отношениях «мать — дочь», т. е. Екатерине I и Елизавете Петровне.

В проповедях 1720-х гг., при жизни Петра, материнство Екатерины упоминается крайне редко, она в основном выступает как идеальная супруга и соратница Петра. Редкий пример — в проповеди Гавриила Бужинского 1718 г., в которой Екатерина сравнивается с Цибелой, *яже благополучием чрева своего, елико на небеси и на земли боги суть, вся роди, и от нея во вес мир боги и богини произидоша; аще, глаголюю, леть есть фабулу правде сравнити, без усумнения тя сицевую, Благодетельнейшая Государыня, именовати леть есть, яже благополучием чрева твоего не токмо Россискую прославивши землю, но и инныя Европеевския твоим рождением имут похвалятися страны.*

В проповедях Гавриила Бужинского, Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского после 1725 г. «физическое материнство» Екатерины не упоминается, т. к. быть матерью детей Петра для действующей императрицы становится менее важным, нежели быть матерью отечества («метафизическое материнство»), например: *милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и мать всероссийская!.. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно!* (Феофан Прокопович, Слово на погребение Петра, 1725); *За такую твою матернюю благоутробную бодрость, воздати тебе, ниже желати ино что можем...* (Феофилакт Лопатинский, Слово 1725 г.)

Лексема *благоутробие*, *благоутробный* не случайно возникает у разных проповедников — оно «обозначает чувства женщины к плоду своего чрева..., людей к своим чадам или к своим близким... и в особенности чувства самого Бога к

своим созданиям» («Словарь библейского богословия»). Таким образом, милосердие Екатерины связывается с ее физическим материнством, качествами матери. Номинации, связанные с метафизическим материнством, в проповедях 1740-х полностью переходят к Елизавете, однако *матернее благоутробие* Екатерины не могло быть использовано без изменений применительно к незамужней и официально бездетной императрице: *благоутробие* и *благоутробный* перестает соотноситься с материнством, становясь в ряд слов, обозначающих *милость* и *милосердие*, и постепенно уходят из проповедей, сохраняясь как реликт только у Маркелла Родышевского — современника Феофана Прокоповича, причем даже для него благоутробие становится гендерно-универсальным признаком: *поревновала господу своему благоутробнейшему <...> Сице и верная и благопослушливая министерка его преславная и достослышанная кроткая милостивая и всеблагоутробная сотворила* (Маркелл Родышевский, слово на присутствие, март 1742); *якоже и самой зде предстоящей преславнейшей монархине нашей, кроткой, незлобивой, милостивейшей, благоутробнейшей всем состародателной, и самому правилу веры настояще-му, и кротости образу суцей* (Маркелл Родышевский, Слово при присутствии, июнь 1742).

Мать и мать, наоборот, употребляются крайне часто, однако ассоциируется исключительно с материнством по отношению к России и народу, например: *О чуднейшаго божия о тебе промышления, Государыня наша, или паче Матерь наша Всемилостивейшая.* (Стефан Калиновский, Слово краткое, 1742); *царствует над нами истинная мать отечества <...> да будет всегда яко мать о чадах, о людех своих веселящаяся* (Димитрий Сеченов, Слово на благоговещение, 1742).

Таким образом, после смерти Петра сама номинация *мать* применительно к женщине-императрице теряет свои «человеческие» качества и употребляется почти исключительно «метафизически», в контексте *Мать отечества* (в пару к «Отцу отечества»).

¹ Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-1256.2011.6).

В 1740-х гг. номинация *мать* применима только к действующей монархине, т. е. к самой Елизавете. Таким образом, выстраивается параллель: Петр — отец отечества, Елизавета — мать отечества. Иная форма материнства в панегирическом дискурсе не допускается, Екатерина наряду с Петром появляется среди родителей Елизаветы только в формулировках типа *дочь Петра и Екатерины*, например: *природнонаследная дому петра великаго и екатерины дочь Петра и Екатерины* (Димитрий Сеченов, на благовещение 1742). Гораздо чаще Екатерина вообще не упоминается среди родителей Елизаветы, декларируется только происхождение Елизаветы от Петра.

Позицию духовной, «истинной» матери Елизаветы также нередко занимает церковь: *...бога благодарят даровавшего России таковую Монархиню, которая церковь святую в начале царствования своего облобыза аки истинную свою мать, и от всех противных мудрований и коварств скипетродержавною защити и сохрани десницею* (Варлаам Сканницкий, Слово в день нового лета).

Сама Елизавета выступает также «метафизической» матерью своему племяннику Петру Федоровичу. Подробно эта тема развита в единственном тексте — проповеди Симона Тодорского на день рождения Петра Федоровича 1743 г.:

...тебе Бог судил две Матери имети: едину Анну, другую Елисавет. Анна родила миру, Елисавет отродила Богу. От Анны восприял еси временное житие, от Елисаветы вечное, не тобою земля Россия имперши, но и небеснаго царствия, наследника Богу, сонаследника Христу, тебе сотворившия. То есть Анна Петровна — физическая мать Петра, Елизавета — духовная, т. к. именно через ее посредство Петр Федорович принял православное миропомазание.

Таким образом, с 1725 г. номинация *мать* применительно к императрицам осмысливается в первую очередь как *Мать отечества*. Этот титул становится элементом панегирического титула каждой действующей императрицы — Екатерины I, затем официально бездетных и незамужних Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, затем — Екатерины II, которой этот титул официально подносится Сенатом, что лишь официально закрепило сложившуюся практику. Таким образом, физическое материнство монархини почти не актуализируется в церковном дискурсе, и само понятие *мать* применительно к императрице актуализирует принципиально иные компоненты смысла. Традиционно связь материнства и милости актуализируется в церковном дискурсе в фигуре Богоматери, однако в проповедях XVIII века эта модель используется также для прославления каждой императрицы.

«Грамматика беседословная» Ивана Иконника 1733 г.: параметры и стратегия грамматического описания

Е. А. Кузьмина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Славянская грамматическая традиция, способы описания грамматической семантики

Summary. The paper is devoted to Ivan Ikonnik's hand-written grammar (1733) from Moscow Kremlin (№ 213), which contains a generalization and reconsideration experiences of the previous slavic grammatical tradition.

Внедрение грамматической образованности, требующее институционализованного обучения языку, начинается в Петровскую эпоху, когда в соответствии с «Духовным регламентом» 1721 г. учреждается система школьного образования и указами Петра I от 1723 и 1724 гг. регламентируется включение в учебные программы славянской грамматики.

«Грамматика беседословная» Ивана Иконника 1733 г. (Собрание рукописей музея-заповедника «Московский Кремль», № 213) (далее ГИ) была создана как учебно-методическое пособие, призванное сформировать процедуры овладения языком как «грамматикой», т. е. как системой алгоритмических правил, и оптимизировать освоение существующих грамматик церковнославянского языка. Дидактические цели, в которых в ГИ обобщены и систематизированы предшествующие опыты описания и кодификации церковнославянского языка, определили способы презентации учебного материала (диалогический формат, адаптацию метаязыка, унификацию моделей правил и определений, использование видеограмм и т. п.) и общую стратегию грамматического описания.

И. Иконник подчиняет воссоздание формального строя языка «яснейшему изъяснению», истолкованию семантического устройства элементов разных уровней языка. Особое внимание он уделяет истолкованию грамматической семантики, поскольку способы описания грамматических значений, преобладающие в грамматиках Мелетия Смотрицкого

и Федора Максимова — этимологический, индуктивный и остенсивный, признаются им методически нецелесообразными как не обладающие информативной ценностью и объяснительной силой. И. Иконник заменяет исходные дефиниции акциденций, представленные в грамматиках-источниках, собственными логическими определениями, независимыми от внутренней формы термина и выявляющими семантический инвариант категории. Заботой о понятности продиктовано введение нескольких определений одной категории, обращение к образным сравнениям (ср., непродуманный «первообразный» вид сравнивается с «первейшим» человеком Адамом, *praeteritum imperfectum* — с последствиями недавнего пожара). Установка на «совершеннейшее правил описание» реализована в ГИ посредством оптимизации алгоритмов, заданных в правилах-инструкциях грамматик-источников: И. Иконник последовательно сокращает количество шагов алгоритма.

Зафиксированная в ГИ система орфографических и грамматических норм явилась результатом целенаправленного выбора из числа нормализаторских решений, принятых в грамматиках-источниках, продиктованного двумя установками: (1) на устранение немотивированной вариативности как на орфографическом, так и на грамматическом уровне, (2) на преодоление грамматической омонимии. Реализация данных установок не изменила общего характера системы норм, сохраняющего преемственность грамматической традиции.

Академическое красноречие в интерпретации нижегородской рукописной риторики XVIII века

А. Д. Курилова

Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия)

Рукописная риторика, академическое красноречие, декламация, лекция, программная речь

Summary. The paper deals with interpretation of scholar eloquence in Latin hand-written rhetorical book, composed in Nizhniy Novgorod in 1766.

Как известно, в античности со времён Аристотеля красноречие делилось на совещательное, судебное и эпидейкти-

ческое. Авторы рукописных риторик на латинском языке, создававшихся и находивших применение в учебной прак-

тике в России XVIII века, повторяют этот теоретический постулат вслед за Аристотелем [Rhetorica... 1766: 58], однако в разделах, посвящённых конкретным риторическим жанрам, предлагают иные классификации.

Так, например, автор нижегородского риторического руководства 1766 г. рассуждает о различии между красноречием древним и новым следующим образом: «...у греков и римлян было три повода для речей: либо на общественных встречах они должны были держать речи, где требовалось эпидейктическое красноречие, занятое похвалой или порицанием, либо в народных собраниях, где необходимо было совещательное красноречие, занятое убеждением или разубеждением, либо в суде, где использовали судебное красноречие, в котором обвиняли или защищали» [Rhetorica... 1766: 58].

Античную классификацию автор нижегородской риторики находит устаревшей: «так как сейчас на народных собраниях уже не произносят законченных речей, и в суде (в Германии, во всяком случае) защитники не демонстрируют своего красноречия, а сохранившиеся торжественные панегирики обычно совершенно другого рода, чем древние, совершенно ясно, что для трёх родов, на которые опирается вся риторика древних, сейчас не осталось другого употребления, кроме как для лучшего понимания и разбора речей древних авторов» [Rhetorica... 1766: 58(об)]. Нельзя не обратить внимания на то, что, говоря о современном упадке судебного красноречия, автор делает оговорку: «в Германии, во всяком случае». Это одна из деталей, позволяющих допустить предположение, что автор данной риторики, созданной в России на латинском языке, мог быть немцем. В пользу этого предположения говорит и наличие в тексте немецких сокращений.

С другой стороны, ритор отмечает появление нового рода красноречия: «когда же только в школах остались остатки латинского красноречия, школьные декламации не относились ни к одному из трёх родов. Учёные изобрели новый вид речей, который имел отношение не столько к убеждению (*persuadendo*), сколько к поучению (*docendo*) и услаждению (*delectando*), и назвали его академическим (*didascalium, scholasticum*)» [Rhetorica... 1766: 58]. В результате автор предлагает следующую классификацию видов красноречия: «итак, в наше время красноречие может иметь академическое, политическое, церковное или общее употребление (*usus vel scholasticus, vel politicus, vel ecclesiasticus, vel communis*)» [Rhetorica... 1766: 58(об)].

Безусловно, так как риторическое руководство было предназначено для семинарии, в центре внимания автора оказываются церковное и академическое красноречие.

Ритор выделяет следующие жанры академического красноречия — устные или письменные декламации, торжественные речи, программные речи, лекции, обсуждения и выступления.

Декламациями называются такие упражнения в речи, «которыми юноши занимаются в школах и подготавливаются к практике будущей жизни. В декламациях изобретение должно быть почти свободным; расположение зависит от учащегося, а словесное выражение от материала» [Rhetorica... 1766: 58(об)]. Так как в гимназиях и академиях ради упражнения часто произносятся речи самого разного содержания, провести грань между школьной декламацией и, допустим, эпидейктической речью бывает непросто. Однако если произнесения речи требует не польза упражнения, а «повод для декламации и торжественность момента», автор риторики относит такую декламацию к жанру **торжественной речи** (*oratio solennis*).

Программными речами называли письменные сочинения, имевшие публичное распространение и приуроченные к какому-либо торжественному событию. В качестве примера такой речи нижегородский ритор упоминает сочинение Кл. Каппия о причинах испорченности римского красноречия. По содержанию программная речь (*programma*) не отличается от торжественной (*oratio solennis*), но, в отличие от неё, относится к письменным жанрам, на что указывает и этимология слова, производного от греческого глагола «писать».

Одним из наиболее распространённых и повседневных жанров академического красноречия является **лекция**. По определению нижегородского ритора, «лекции — это ежедневные речи, с помощью которых в школах и академиях преподаются разные искусства и науки» [Rhetorica... 1766: 59]. Хотя лекции являются речами в какой-то мере импровизированными, тем не менее они требуют тщательного обдумывания. При этом, по мнению ритора, расположение и метод должны исходить из логики, иллюстрирующие же и побуждающие аргументы вместе с другими украшениями лектору предоставляет риторика.

Особым жанром академического красноречия в рассматриваемой риторике считается **обсуждение** (*disputatio*). К нему относятся разного рода дискуссии, беседы, споры, диспуты в академической среде, то есть устные диалогические речи и то, что принято называть педагогическим общением. В отдельный жанр выделены **вступления** (*prolusiones*), которые обычно предвеляют начало цикла лекций, обсуждения и другие академические акты.

Таким образом, обращение к одному из многочисленных рукописных риторических руководств XVIII века, созданных в России на латинском языке, позволяет понять, как формировались представления о системе речевых жанров в русской риторике этого времени. В частности, заслуживает внимания выбор и номинация конкретных жанров академического красноречия.

Литература

Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus. Курс лекций по риторике, читанный в Нижегородской семинарии. 1766 // РГБ. Ф. 312. № 78. 95 л.

Восприятие и освоение жанра рыцарского романа в России XVIII в. (на материале рукописной литературы и печатного романа)

Л. А. Курышева

Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Рыцарский роман, рукописная литература, В. А. Лёвшин

Первое знакомство с рыцарским и любовно-авантюрным романом в России состоялось посредством перевода народных книг в XVI–XVII вв. Особенностью усвоения топикой рыцарского романа в России XVII в. стало сближение его поэтики с национальным эпосом — Повесть о Бове-королевиче, Повесть о Петре Златые Ключи (работы В. Д. Кузьминой).

Рукописные повести XVIII в., оригинальные и переводные, содержат элементы или целиком восходят к рыцарскому роману (Повесть о российском ковалере Александре, История о Евграфу и Александре, История о Георгии и Фларенте, История о Париже и Вене).

Некоторые оригинальные русские повести обогащают поэтику благодаря обращению к образам национального эпоса (Повесть о Францелле Венециане, Повесть королевиче Архилабоне).

В целом, в рукописных повестях сохранена связь с литературным жанром, но представления о некоторых нравах рыцарства стерты, поскольку во время бытования этих произведений в русской рукописной литературе европейское рыцарство перестало быть живой традицией.

В 70–90-е гг. XVIII в. были изданы в полном прозаическом переложении поздние рыцарские стихотворные романы — поэмы М. Боярдо, Л. Ариосто и Т. Тассо. Выходит

перевод трех томов немецкого издания «Bibliothek der Romane», один из отделов которого содержал пересказы французских и немецких рыцарских романов.

«Фольклорное» направление в русской литературе конца XVIII в. обратилось к национальному материалу, создав на его основе волшебство-авантюрное повествование о славянских дервностях (М. Д. Чулков, М. И. Попов). В повестях

о русских богатырях своего сборника «Русские сказки» (1780–1783) В. А. Лёвшин попытался синтезировать богатырский национальный эпос и рыцарский роман. В его «реконструкции» русское богатырство является аналогом европейских рыцарских орденов, со своим кодексом поведения, утвержденным эпическим князем Владимиром Красное Солнышко.

«Заря багряною рукою...»: об одной ритмико-синтаксической формуле в поэзии М. В. Ломоносова Е. М. Матвеев

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Поэтический язык М. В. Ломоносова, ритмико-синтаксическая формула, рифменная позиция, динамизация речевого материала

Summary. The statistics of Lomonosov's Rhyming Dictionary show that some wordforms tend to be used in the final verse position. One of the most popular ones — the wordform “рукою”, which is often used in a special rhythmic syntactic structure (3-syllable adjective + «рукою»). The paper describes different ways of rhythmic, syntactic and semantic accentuation of this wordform.

К трехсотлетию юбилею со дня рождения М. В. Ломоносова в Институте лингвистических исследований РАН был подготовлен Словарь рифм М. В. Ломоносова. В словаре представлен исчерпывающий список стиховых окончаний и рифмопар М. В. Ломоносова, снабженный грамматическими, текстологическими и стиховедческими характеристиками.

Для наиболее употребительных 165 «рифмослов» (словоформ, встретившихся в рифменной позиции 10 и более раз) была определена *степень тяготения форм к финальной позиции* (частное от деления количества употреблений формы в рифменной позиции на количество употреблений формы в поэтическом языке Ломоносова в целом). Оказалось, что степень тяготения к финальной позиции различных словоформ неодинакова (см. таблицу, в которой в качестве примера представлены 10 «лидирующих» словоформ).

лексемы	число употреблений на рифме	число употреблений в поэзии	тяготение к финальной позиции
рукою	40	50	80,0%
сила	36	43	83,7%
свет	34	117	29,1%
покою	31	33	93,9%
власть	30	75	40,0%
любовь	30	117	25,6%
Тобюю	30	66	45,5%
вид	29	55	52,7%
своей	29	77	37,7%
дух	28	149	18,8%

Какими причинами можно объяснить колебания?

1. Грамматический фактор.

Обращает на себя внимание группа слов, которые чаще употребляются Ломоносовым не на рифме. Это в первую очередь личные и притяжательные местоимения (*свой, твой, ты, мы, мой*), формы которых являются наиболее частотными в поэзии Ломоносова в целом. Они часто употребляются на рифме, но еще более часто — на других позициях стиха.

2. Слоговой объем словоформы, стоящей на рифменной позиции.

Как и местоимения, короткие (главным образом односложные) существительные и глаголы (*быть, дать, дух, век, Бог, враг, день* и др.), тоже имеют невысокие показатели тяготения к финальной позиции. Статистика форм демонстрирует, что двусложные и трехсложные формы обнаруживают большее тяготение к финальной позиции, чем односложные. То есть в целом в поэзии Ломоносова длинные слова чаще употребляются на рифме, чем короткие.

3. Использование слова, стоящего на рифменной позиции, в определенных ритмико-синтаксических формах того или иного стихотворного размера.

Речь идет о явлении, которое М. Л. Гаспаров назвал «ритмико-синтаксической формульностью» [Гаспаров 1983]. Проиллюстрировать это явление на нашем материале можно на примере самой употребительной словоформы, стоящей на рифменной позиции у Ломоносова, — формы *рукою*.

Форма *рукою* на рифменной позиции как правило входит в ограниченное число синтаксических клише и ритмико-синтаксических формул:

а) двусложный глагол-сказуемое с мужским словоразделом + форма *рукою* (*Твоей Главу покрой рукою, Ты крепкою возвел рукою, Когда Ты крест несла рукою*);

б) притяжательное местоимение + форма *рукою* (*Под сильною Твоей рукою, Спасение твоей рукою, Збивает сильной их рукою*);

в) трехсложное прилагательное с дактилическим словоразделом + форма *рукою* (*И море сильною рукою, Ты слышишь щедрою рукою, Заря багряною рукою, Но больше мирною рукою, И ангел мстящего рукою, Не я ли сильною рукою*). Данная формула в стихе М. В. Ломоносова обнаруживает себя не только в 4-стопном ямбе, но и в 6-стопном (*Зажженну в жертву вам противною рукою, Зовем, да под Твоей частьювою рукою, Дабы Российской могущею рукою, Где Дщерь Петрова мне щедроною рукою, И пальм снопы несли Геройскою рукою*).

Формула «трехсложное прилагательное + форма *рукою*» является наиболее продуктивной моделью; большинство других примеров представляет собой различную степень отклонения от данной формулы:

1) случаи, когда сильная синтаксическая связь между трехсложным прилагательным с дактилическим словоразделом и существительным *рукою* оказывается нарушенной вставкой другого слова: *Ты крепкою возвел рукою, Под сильною Твоей рукою, И крепкою Тебя рукою*;

2) использование слова с дактилическим словоразделом перед формой *рукою* (в результате чего происходит сохранение ритмического клише, но утрата синтаксического): *Белейшей мрамора рукою, Гречи, что Вышняго рукою, Благословен Твой путь Всевышняго рукою*;

3) сохранение модели «определение + форма *рукою*»: *Збивает сильной их рукою, Премудрой правши Что рукою, Твоей Главу покрой рукою, Спасение твоей рукою, Се нашею, — рекла, — рукою, О естлиб сею мог воздвигнуть я рукою!, Моей возжженных вроду рукою*.

Как видно из приведенных примеров, в случае отклонения от формулы «трехсложное прилагательное + форма *рукою*» как правило имеет место инверсия (а именно — гипербатон, разъединение смежных слов). Ее цель такая же, как и у самой ритмико-синтаксической формулы, — выдвинуть словоформу *рукою* на сильную позицию в стихе, на рифменную позицию, акцентировать ее. Показательно при этом, что почти во всех рассмотренных нами примерах у

слова *рукою* обнаруживается определенная семантическая сложность. Встречаются метонимические переносы (*Но большие мирною рукою* [политикой, правлением] / *Ты целой удивила свет*), употребление словоформы в составе олицетворения (*Заря багряною рукою* / *От утренних спокойных вод* / *Выводит с солнцем за собою* / *Твоей державы новый год*) или аллегории (*Не я ли сильною рукою* [рука, десница — условное изображение зиждущей божественной силы] / *Открыл и разогнал туман* / *И с суши двинул Океан?*)).

Таким образом, анализ одной ритмико-синтаксической формулы и ее вариаций позволяет проследить за процессом динамизации речевого материала (термин «динамизация» речевого материала» был предложен в фундаментальной работе Ю. Н. Тынянова «Проблема стихотворного языка» — [Тынянов 2002]) в стихе М. В. Ломоносова. В процессе выдвижения значимой для автора словоформы *рукою* (по-ви-

димому, отражающей некие глубинные пласты ментального лексикона и языковой картины мира Ломоносова, его «философии созидания» — именно так названа одна из глав монографии И. З. Сермана «Поэтический стиль Ломоносова» [Серман 1966]) оказываются одновременно задействованы ритмические, синтаксические, рифмические и лексико-семантические факторы.

Литература

- Гаспаров М. Л. Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М., 1986. С. 181–198.
- Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966.
- Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. Избранные труды. М., 2002. С. 29–166, 486–490.

Культурный код в поэме Н. И. Гаген-Торн «Михайло Ломоносов»

М. В. Михайлова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ю. В. Шевчук

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

Лагерная литература, народная культура, стихия, полиметрия, мифологизация

Summary. A poem «Mikhailo Lomonosov» by Nina Gagen-Torn got analyzed through the perspective of its images' structure, spatio-temporal and sound organization. The research is focused at a "binary" cultural code of the poem, images of an author and a hero. Freedom performs a role of the structural base of the poem.

Анализируемая поэма является фактом лагерной литературы середины XX века. Её автор — этнограф Н. И. Гаген-Торн (1900–1986), во время пребывания в заточении (Кольма, Мордовия) ощутившая себя поэтом. Обращение к фигуре Ломоносова стало по-своему закономерным как способ освобождения от «оков» обстоятельств. Кроме того ученый воплотил для нее идею рождения новой культуры, соединившей природную первооснову народной русской жизни и достижения Европы в различных отраслях знаний XVIII века. Тема культурного взрыва, произошедшего в деятельности Ломоносова и указавшего России свой особый «северный путь», обнаруживается в произведении сразу по прочтении, однако определенной расшифровки в тексте требует план выражения, отражающий ощущение автором конкретности своего времени. Одическое жизнеописание ученого и «потаенный» образ автора роднит их связь с традицией предшествующей эпохи, без которой в культуре нельзя ни радикально преобразить мир, ни спасти и сохранить накопленное. Однако векторы «обращения» у героя и автора различны: Ломоносов устремлен в будущее, а поэт XX века обращен к «далекому» и «близкому» для него прошлому — к пушкинской эпохе и Серебряному веку русской культуры.

Можно утверждать, что условные моменты сюжета о поморе раскрывают главнейшие эмоциональные состояния автора, в художественно претворенном виде воспроизводят их «нерв». Ломоносов постоянно чувствует себя узником пространства: сначала с севера рвется на простор знаний, затем томится в московском «монастыре», в германской крепости, в Петербурге, ему тесно в Академии наук, вообще на Земле... Также он ощущает себя узником цивилизованного, но при этом некультурного Петербурга. Тема несвободы и одновременно противостояния обстоятельствам были лично важны для автора. Гаген-Торн признавалась, что в поэме она «объективизировала» свои переживания, передоверив их герою.

Для воплощения переживания «зверской» действительности (в поэме возникают буквально «морды зверей», бродящих вокруг) Гаген-Торн опирается на «готовые формы». Так появляются «опорные» произведения (народные песни, «Медный всадник», «Борис Годунов»). Особое место занимает лермонтовская поэма: подвластность Ломоносову грома и молнии заставляет вспомнить сцену грозы в «Мцыри», как и дольники, составляющие звуковое полотно поэмы и передающие глубину, драматизм, народность личности Ломоносова, в некоторых частях произведения переходящие в во-

левой 4-стопный ямб с мужским окончанием. Так на образном и ритмическом уровнях воскрешается «память» о тюремных страданиях и свободолюбивых порывах лермонтовского героя. Осмелимся предположить, что самое сокровенное о трагедии современности автор, отбывающий заключение в сталинских лагерях, пытается сказать не прямо, а посредством особой организации звукового плана произведения.

Гаген-Торн свободно экспериментирует с ритмом, рифмой и строфическим построением стихов (сказалось вольфилловское прошлое автора). Автор использует прием «сверхмикрполиметрии» (очень частой перемены стиховой формы, внутри строф). Заметно намерение поэта при помощи звукового плана произведения представить столкновение допетровской России с эпохой Ломоносова, открывшей революционные пути для отечественной науки и литературы. Таким же образом Гаген-Торн сумела выявить и антиномичность русской культуры, включившей в себя народную стихию и дворянскую рациональность (недаром столь плодотворно сотрудничество помора Ломоносова с аристократом Шуваловым).

В духе модернистской поэтики Гаген-Торн мифологизирует образ Ломоносова, «обнажая» его архитипичность. В одном «регистре» она прописывает природные глыбы гор, взгляды красавиц, лицо героя ведь на просторах севера твердь, вода, воздух, огонь сошлись вместе. Мир, просторы, поморы, выступая из природных стихий, действительно прорываются сквозь землю и воду, а с ними вырывается на простор и автор. Взгляд снизу вверх подтверждает духовную высоту гения, который соединяет своим восприятием верх и низ, небо и землю. Пространство динамично, все «бежит» мимо. По отношению к миру автор, лишенный возможности свободно передвигаться, «недвижим», но смена точки зрения, перевод глаз с предмета на предмет позволяющий охватить его целиком.

Ключевыми становятся образы природных стихий: земля, огонь, воздух, вода как бы воплощают круг интересов Ломоносова (геология, физика, астрономия, химия). Это усиливает главную мысль Гаген-Торн: героя породили природные стихии, он из них вышел, а потом подчинил природу своему разуму. Культура сочетает стихийное начало (образ реки), подхваченный гением, и мастерство, поэтому возникает образ ткацкого станка, аккумулирующего многие смыслы (упорство, умение, творчество). И великим Ткачом, в представлении Гаген-Торн, является мастер Слова, чьи руки связывают между собой нити духа.

Преодоление расстояний соотносится с бегом времени, во многом воплощаемом через стихию воды, разрушающей преграды. Волны будут набегать на граниты славного города, как своеобразные приливы культуры, захватывающей все новые и новые области. Энергией бега времени отмечены первые части поэмы. Но этот «бег» останавливается, чтобы дать волю стихии лирического в прерывающихся течение поэмы гимнах песням и письменам (словам).

Эпилог, на наш взгляд, не во всем соответствует зафиксированному в записках автора замыслу. В финале герой (внешне) полон оптимизма, он смотрит вдаль, сквозь времена. Гаген-Торн наглядно демонстрирует монументальность, скульптурность главного персонажа поэмы, соотно-

сенного и с образом монумента царю Петру I из «Медного всадника», и с традиционным мотивом памятника Поэту. Но неожиданно обозначается конфликт Ломоносова со временем и его отношением к народу, поскольку герой заявляет открыто, что народ безмолвствует, а время его пробуждения соотносено с далеким будущим.

В свете «двойной» кодировки народное молчание может прочитываться как отсутствие достойной преемственности дела Ломоносова, забежавшего вперед своего времени, а с другой стороны, одический пафос перебивается мыслью о современном состоянии культуры, в которой интеллигенция вынуждена молчать или писать истинную трагедию России между строк.